

Захарьин Иван Николаевич

Тени прошлого

Рассказы о былых делах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И17

И17 **Иван Николаевич З.**
Тени прошлого: Рассказы о былых делах / Захарьин Иван Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 378 с.

ISBN 978-5-519-85904-2

ISBN 978-5-519-85904-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Намъ, людямъ второй половины XIX столѣтія, трудно представить себѣ, какъ горько и нелегко жилось въ Россіи еще недавно, въ первой половинѣ этого столѣтія!.. Былъ ужасный вѣкъ и ужасныя сердца, по выраженію поэта... Слабый и бѣдный не находилъ себѣ ни защиты, ни правосудія и ничѣмъ не былъ огражденъ отъ своеволія и обидъ со стороны богатаго и сильнаго. Преимущественно, обиды и страданія выпадали на долю беззащитнаго крестьянина. Въ настоящей книгѣ, въ „Сценахъ на Волгѣ“ — представляющихъ, собственно, прологъ неоконченной народной трагедіи „Воля“ — я пытался нарисовать — далеко, конечно, не полную — картину послѣднихъ дней ужаснаго крѣпостнаго

права. Остальные статьи этой книги составлены или по архивнымъ документамъ, или по разсказамъ очевидцевъ, или же являютъ собою личныя воспоминанія, какъ, напр., очерки Бѣлоруссіи. Статьи эти были напечатаны въ слѣдующихъ журналахъ: въ „Вѣстникѣ Европы“, „Русскомъ Архивѣ“, „Русской Старинѣ“, „Древней и Новой Россіи“ и „Историческомъ Вѣстникѣ“.

И. З.

Ковно, 7 марта 1885 г.

Холерный бунтъ въ Тамбовѣ въ 1830 году.

Въ русской исторіи, равно какъ и въ литературѣ, еще не наступило время появленія правдиваго и подробнаго описанія такъ-называемыхъ „бунтовъ“ на Руси, происходившихъ въ текущемъ столѣтіи. Самые матеріалы для изученія этихъ событій — слѣдственные дѣла — все еще, къ сожалѣнію, находятся подъ спудомъ и для изслѣдованія недоступны. Вслѣдствіе этого, исторіи нѣкоторыхъ бунтовъ появляются въ нашей литературѣ „со словъ очевидцевъ“ — въ разсказахъ, не проверенные, лишенные строгой исторической послѣдовательности и не чуждые, иногда, вымысловъ и превратнаго толкованія фактовъ и явленій. Такъ, напримѣръ, дѣло декабристовъ, не смотря на его болѣе чѣмъ полувековую давность, до сихъ поръ еще полно недомолвокъ и многихъ неточностей. Даже ли-

шенное всякаго политическаго характера дѣло о бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева, помѣщенное въ „Русской Старинѣ“, было составлено не по подлиннымъ документамъ и матеріаламъ, а по тѣмъ же „разсказамъ очевидцевъ“, являющимъ собою, вообще, русское традиціонное хранилище свѣдѣній объ интереснѣйшихъ событіяхъ отечественной исторіи.

Несомнѣнно, конечно, что настанетъ со временемъ бѣлая возможность описанія этихъ событій,—и тогда эпосъ „разсказовъ“ померкнетъ предъ дѣйствительностью фактовъ: публика ознакомится съ названными событіями въ болѣе строгой, исторической формѣ изложенія — менѣе иллюминированной и болѣе правдивой. А пока поневолѣ приходится ограничиваться этими „разсказами очевидцевъ“, и мы не думаемъ, чтобы русской литературѣ былъ брошенъ когда-либо упрекъ за ея сильное желаніе — ознакомить публику, насколько это возможно, съ событіями нашей новѣйшей исторіи.

Легко замѣтить, что наши народныя волненія носятъ на себѣ чрезвычайно своеобразный характеръ и очень различны отъ таковыхъ же событій въ Западной Европѣ. Причины этихъ различій заключаются, конечно, въ особенно-

стяхъ народнаго характера и бытовой стороны русской жизни; затѣмъ, въ основѣ этихъ волненій лежало многострадальное, историческое прошлое народа и, главное, темнота народная, т. е. положительное отсутствіе въ низшихъ классахъ самаго элементарнаго образованія. Незвѣданная эпидемія, въ родѣ чумы, или холеры, новая комета, неясный указъ, эксплуатируемый въ свою пользу мелкимъ чиновничествомъ въ провинціяхъ—все это, порождая страхъ или неудовольствіе въ народѣ, собирало его въ массы и служило, затѣмъ, причиною къ открытымъ взрывамъ и сопротивленіямъ. Только два народныя волненія стоятъ особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ и являютъ изъ себя какъ бы нѣкоторую аномалію: это — бунтъ пугачевскій и второй, бывший на Сенатской площади Петербурга; оба бунта были „за царя“ — по внутреннему убѣжденію подчиненныхъ массъ, слѣпо вѣрившихъ своимъ предводителямъ. Всѣ же прочіе бунты, начиная съ бывшаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ мѣднаго бунта, происшедшаго по поводу выпуска въ обращеніе мѣдныхъ денегъ, и кончая картофельнымъ бунтомъ въ Пермской губерніи, происходили именно отъ темноты народной и отъ эксплуатаціи указовъ.

Московскій бунтъ во время чумы, холерный бунтъ въ военныхъ поселеніяхъ графа Аракчеева и таковой же въ Петербургѣ на Сѣнной — были порожденіями все той же темноты народной. Даже самый позднѣйшій изъ русскихъ „бунтовъ“ — безднинскій, бывшій въ 1861 году, въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, былъ результатомъ неясности въ пониманіи извѣстнаго манифеста и, затѣмъ, той же темноты народной.

Ни одно изъ этихъ волненій не произвело, какъ извѣстно, государственнаго переворота, не нарушило политическаго и соціальнаго строя и обычнаго теченія русской жизни. Тѣ событія, которыя, со второй половины прошлаго столѣтія, производили у насъ неожиданныя измѣненія въ престолонаслѣдіи, были чужды русскому народу. Наши народныя волненія не были похожи на пронунсіаменто Испаніи, начинающіяся въ казармахъ и ованчивающіяся междоусобными войнами; еще менѣе они схожи со взрывами народнаго неудовольствія во Франціи, заявляющаго себя на баррикадированныхъ улицахъ Парижа.

Русскіе „бунты“ имѣли, въ своемъ концѣ, одни и тѣ же послѣдствія — грозную вару. Ви-

новные судились или особымъ верховнымъ судомъ, или же, въ большинствѣ случаевъ, полевымъ военнымъ. Иные бунты усмирялись однимъ грознымъ начальничьимъ окрикомъ — и затѣмъ оканчивались навазаніями кнутомъ и ваторгою.

Къ числу послѣднихъ бунтовъ слѣдуетъ отнести и холерный бунтъ въ Тамбовѣ, въ 1830 году. Ни наша литература, ни публика не знакомы съ этимъ бунтомъ, — вслѣдствіе того же обстоятельства, что архивы того времени еще недоступны для ученыхъ изслѣдованій такихъ событій; а безмолвная печать того времени обошла тамбовскій бунтъ обычнымъ молчаніемъ. Изъ газетъ тридцатыхъ годовъ — „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и „Московскихъ“ — мы узнаемъ лишь, что изъ нашихъ внутреннихъ губерній холера появилась впервые въ губерніяхъ Пензенской, Симбирской и Нижегородской; указомъ правительствующему сенату отъ 24-го сентября 1830 года, опубликованнымъ 4-го октября, было повелѣно — пріостановить въ названныхъ губерніяхъ производство назначеннаго рекрутскаго набора „по случаю появившейся въ сихъ губерніяхъ эпидемической болѣзни холеры“. Затѣмъ, указомъ сенату (по

1-му департ.), отъ 10-го октября того же года, наборъ былъ приостановленъ въ губерніяхъ Костромской, Курской и Слободско-Украинской. О Тамбовской губерніи въ этихъ указахъ не упоминалось ни слова. Между тѣмъ, въ № 93 „Моск. Вѣд.“, отъ 10-го ноября, за недѣлю до вспыхнувшаго въ Тамбовѣ бунта, помѣщено было слѣдующее объявленіе: „министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что въ губерніяхъ Пензенской, Тамбовской, Воронежской, Курской и землѣ войска Донскаго, равно какъ и въ губернскихъ городахъ Костромѣ и Казани, эпидемическая болѣзнь холера, по благодати Всевышняго, прекратилась. Почему, между означенными губерніями и войскомъ, какъ благополучными, возстановлено свободное сообщеніе, а съ городовъ снято оцѣпление: съ Костромы 26-го октября, съ Казани 8-го ноября“.

Изъ этого успокоивающаго объявленія графа Закревскаго можно было, слѣдовательно, заключить о совершенномъ „прекращеніи“ холеры какъ въ Тамбовской губерніи, такъ и въ Казани. Но на дѣлѣ оно было не совсѣмъ такъ. Не далѣе какъ въ № 99 „Моск. Вѣд.“, отъ

7-го декабря, т. е. по прошествіи всего 18-ти дней послѣ своего перваго объявленія, тотъ же графъ Закревскій объявляетъ, что „Высочайше учрежденная центральная комиссія для пресѣченія холеры отправилась изъ Казани въ Тамбовъ“... Такія объявленія со стороны министра внутреннихъ дѣлъ, взаимно другъ друга опровергающія, не могли, очевидно, достигать своей цѣли; жертвуя, ради успокоенія общественнаго мнѣнія, правдою событій, объявленія эти порождали совершенно противоположные результаты — нелѣпыя, преувеличенныя слухи, исходящіе изъ молвы народной и изъ того паническаго страха, которому безотчетно отдалось въ то время населеніе губерній, охваченныхъ невѣдомою болѣзью.

Слѣдуя за объявленіями графа Закревскаго далѣе, мы находимъ, въ № 101 „Моск. Вѣд.“, отъ 17-го декабря, слѣдующее: „министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, объявляетъ, что онъ, вслѣдствіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, отправился 12-го декабря изъ Тамбова въ С.-Петербургъ“. Слѣдовательно: объявивъ, 19-го ноября, о прекращеніи холеры въ Казани, въ Тамбовской губерніи и др., графъ Закревскій отправилъ въ

ту же самую Казань „центральною комиссію для пресѣченія холеры“, каковая комиссія и пребыла тамъ до 7-го декабря; затѣмъ, комиссія эта выѣзжаетъ въ Тамбовскую губернію—гдѣ тоже, по словамъ графа Закревскаго, холера давно была прекращена; затѣмъ, въ эту же губернію уѣзжаетъ самъ министръ внутреннихъ дѣлъ и живетъ тамъ до 12-го декабря... Опять повторимъ: подобныя противорѣчающія объявленія, игнорируемые общественнымъ мнѣніемъ того времени, еще болѣе способствовали преувеличеннымъ слухамъ о холерѣ и повсемѣстному унынію въ народѣ. Поэтому, и сообщаемымъ оффиціально свѣдѣніямъ о смертности отъ холеры мало вѣрили,—хотя цифра этой смертности, даже и по правительственнымъ сообщеніямъ, была довольно значительна. Такъ, въ № 136 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, отъ 12-го ноября 1830 года, число всѣхъ заболѣвшихъ холерою въ двѣнадцати губерніяхъ внутренней Россіи показано 22,731; выздоровѣло 8,849 чел., умерло 14,066 чел., осталось больныхъ 824¹⁾). Въ числѣ этихъ 12-ти

¹⁾ Цифры эти, очевидно, слутаны и не проверены. Мы помѣщаемъ ихъ въ томъ видѣ, какъ онѣ напечатаны въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“.